

Кирилл Титаев, Мария Шклярук

**Российский следователь:
призвание, профессия,
повседневность**

НОРМА
Москва, 2016

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Для кого эта книга?	7
Что это за книга?	11
Какие данные лежат в основе книги?	16
Глава 1. Кто такой следователь? Парадокс профессии	24
Следователь в уголовном процессе — ключевой игрок или ключевое звено конвейера?	26
Когда следователь включается в работу по преступлению?	28
Следователь между судом и полицией — трансляция правоприменительной практики	32
Ключевое место следователя в уголовном процессе	34
Какие следователи бывают и почему в фокусе исследования следователь МВД?	36
СКР, МВД, ФСКН и ФСБ — различие компетенций	37
Численность и нагрузка: МВД как основной источник практики	39
Следователь: первые штрихи к портрету	40
Половозрастная структура	41
Семья и мобильность	43
Образование	45
Профессиональные ценности: раскрывать или расследовать, наказывать преступника или возмещать ущерб?	46
Раскрывать или расследовать? Бюрократы и детективы	47
Цели уголовного процесса: в чем смысл работы следователя?	54
Глава 2. Уголовное дело — главный «продукт» повседневной работы следователя: как и кем он производится	63
Уголовное дело: из чего оно состоит	64
Уголовное дело: как оно возникает	74
Уголовное дело и следственно-оперативная группа (СОГ)	74
Доследственная проверка и расследование: информация и доказательства	76

Раскрытые и нераскрытые преступления в уголовных делах: «перспективные» дела и «глухари»	79
Повседневная нагрузка	84
Рабочий коллектив	90
Как учатся быть следователем? Начальная социализация	96

Глава 3. Правоохранительная машинерия: организационный контекст работы следователя по уголовному делу	102
С кем контактируют следователи?	103
Место следователя в отделе полиции	112
Следователь и суд	120
Насколько следователь автономен в своих решениях?	125
Проблема «заказных» дел	130
Работа следователей через призму показателей	134
Оправдательный приговор — главный сбой системы	136
Сроки: борьба с «волокитей» и роль «верхних этажей» в контроле показателей	139
Направление дела в суд: раскрываемость, «перспектива», нагрузка	145
Качество работы: количественные показатели против контроля качества	147
Глава 4. Как следователю удастся делать то, что он делает? Профессиональный язык	151
Язык протокола — история и составные части	154
Язык протокола: какой он	161
Технические навыки: сформировать уголовное дело	161
Технические языковые навыки: записать показания	163
Навыки квалификации: что их замещает	167
Содержательные языковые навыки: следователь как драматург	171
Функции языковых навыков. Мыслить юридически: языковые навыки и ускорение работы	175
Заключение: перспективы следователя и следствия	181
Приложение: Основные данные о работе следователей в России за 2014 г. (уголовные дела)	189

навыки, что создает дополнительный инструмент монополизации сферы деятельности. Нельзя уволить всех следователей, набрать по конкурсу юристов и заставить их работать «в следствии». Система, существующая сейчас, рухнет, если только под давлением прокуроров, адвокатов и судей новые следователи не будут принуждены достать образцы документов предшественников и начать стремительно подстраиваться под них.

Также такое «дополнительное образование» проводит жесткую границу между двумя стадиями социализации. Социализация в юридической субкультуре (в нашем случае — уже в следственной) является важнейшим этапом профессионального становления юриста¹. Выпускник, который осваивает профессию «с нуля» и «руками», оказывается полезнее с точки зрения поддержания профессиональной монополии потому, что таким образом разрушается внешняя система референций. Конечный толкователь закона — суд, а практику суда «старшие коллеги» знают лучше. Апелляции же к тому, чему учили в университете, неприемлемы в этой системе, ведь учиться надо «все-му», игнорируя прошлый опыт.

Наконец еще один важный механизм — это формирование горизонтальных сетей между субпрофессиями. Адвокат или прокурор со следственным опытом обладает несравнимо более высокой квалификацией с точки зрения этой субпрофессии — он владеет намного большим количеством специальных навыков, которые позволяют ему квалифицированнее надзирать над следствием или бороться со стороной обвинения — прокурором в суде и следователем на досудебной стадии.

Заключение: перспективы следователя и следствия

Следователь — профессия, которая будет существовать в любом современном обществе. Кто-то должен доказывать суду, что преступление имело место и что оно совершено неким конкретным человеком. В отличие от домодерновых обществ, где эту работу делал либо потерпевший, либо сам судья, в современных обществах эта работа всегда делегирована профессионалам. Где-то она разделена между детективом полиции и помощником прокурора, где-то ее ведут дознаватели полиции под руководством прокурора же, где-то она практически полностью отдана в руки полиции.

Требования к тем материалам, которые собираются в ходе такой работы и должны передаваться в суд, тоже варьируются. В некоторых странах это будет небольшой пакет документов, а вся основная работа будет вестись непосредственно в ходе судебного заседания, где-то, как в России, это будет довольно большая кипа бумаг. Но сама необходимость следственной работы остается неизменной.

Отдельная фигура, которая сосредоточена именно на досудебном доказывании вины, но при этом освобождена и от оперативных, и от судебных функций, уникальна и характерна только для некоторых постсоциалистических стран. Кроме того, российская ситуация предварительного расследования, как показывает статистика, во многом парадоксальна сама по себе. Любая правоохранительная машина устроена как система фильтров. Эти фильтры сначала отсеивают те сообщения, которые вообще не о преступлениях, потом те сообщения, в которых не удалось найти преступника (до этого момента в России все более или менее хорошо), потом те, в которых стороны примирились, или наказание не нужно, или же может быть наложено силами прокуратуры. То, что осталось, уходит в суд. В Германии, например, более половины расследований разрешается на досудебной стадии силами прокуратуры (сама полиция не имеет права принимать такие решения), и это уже те дела, где есть потенциальный подозреваемый¹.

¹ В среднем по Германии 13% расследований направляется в суд с обвинением (в обычном порядке или по особым процедурам, но подразумевающим проведение судебного разбирательства), 13% дел уходит в суд с запросом на вынесение приказа о наказании (Strafbefehl), 11% передается в другие (административные) органы или возвращается заявителям с разъяснением права на обращение в порядке частного обвинения, 31% прекращается исходя из принципа целесообразности, 32% — из-за недостатка доказательств в отношении подозреваемого. См.: Statistisches Bundesamt, Justiz auf einen Blick, 2015. S. 12–13.

¹ См.: *Koo G. New Skills, New Learning: Legal Education & the Promise of Technology.* Berkman Center for Internet & Society, Harvard Law School, 2007.

Похожая ситуация в США, Канаде, Франции¹. В России же досудебные органы (следствие и прокуратура) практически не имеют возможности поступить с делом, в котором появился подозреваемый, как-нибудь иначе, кроме как направить его в суд или вернуть на шаг назад по цепочке правоохранителей — от суда к прокурору, от прокурора к следователю. Прекращение дел «с лицами» — редкое явление, которое чаще всего связано с отсутствием судебной перспективы — ограничения на возможность простого прекращения за нехваткой доказательств приводят к необходимости поиска другого варианта, чаще всего договоренности потерпевшего и обвиняемого о примирении. То есть в России система фильтров не работает — количество направленных в суд дел (закончившихся там обвинительным приговором) в идеале должно быть равно количеству лиц, в отношении которых возбуждено уголовное дело.

Какие последствия имеет именно такой организационный и структурный дизайн повседневности следователя? Чем для общества в целом и для правоохранительной системы в частности чревато то, что жизнь следователя устроена так, а не иначе? Что происходит, когда вместо системы фильтров мы получаем трубу без каких-либо фильтров, которая должна работать в логике «сколько влилось, столько и вылилось», и ответвлений не предусмотрено? Следователь оказывается не тем, кто принимает решение, а тем, кто вынужден в любом случае довести дело до конца. Если уж дело «с лицом» появилось в его производстве, оно обязательно должно «вылиться с другого конца трубы» — уйти в суд. И больше того — не оставлять шансов суду принять иное решение, кроме как согласиться с фактом преступления.

Важнейший эффект такой модели — это умаление функций суда. Судья получает готовое дело, в котором подробно описана ситуация. В сущности, ему остается только назначить наказание. Как показано в четвертой главе, основная задача следователя — собрать гладкий обвинительный нарратив. Именно этот нарратив — первое, с чем знакомится судья, все аргументы стороны защиты он услышит позже. При этом дело, предоставленное судье следователем, — это не просто пакет документов. Это пакет документов, которые складываются в связную историю с непротиворечивым, внутренне логичным сюжетом. Документы изначально создаются так, чтобы потом их можно было увязать в единый рассказ о том, как, кем и почему было совершено преступление. Судьи в своих интервью² нередко говорят, что малое

¹ См.: *Solomon P.* Accusatorial Bias in Russian Criminal Justice // *Sociology of Justice in Russia*. Oxford University Press, 2016.

² Подробнее см.: *Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К.* Указ. соч.

количество оправдательных приговоров объясняется именно наличием досудебной стадии, в которой «уже во всем разобрались и всех виновных отпустили». Однако мы знаем, что это не так: после предъявления обвинения следователи практически никогда не реабилитируют подозреваемых (реже, чем в 0,5% случаев). По сути, следователь оказывается судьей — его решение о признании кого-либо обвиняемым практически равно обвинительному приговору. Оно означает, что человек будет признан виновным в преступлении. Судьи, работающие в постоянном цейтноте и с огромными перегрузками, как правило, соглашаются с выводами следователей.

Сходства между судебной и следственной властью постоянно увеличиваются. Пол Ди Маджио и Уолтер Пауэлл в классической статье показали¹, что в одном и том же организационном поле (система уголовного преследования) изоморфизм (сходство во всех смыслах — в способах организации работы, оценках, отношении к труду и т. д.) разных бюрократических организаций будет усиливаться при наличии ряда признаков. Чем похожи суд и следствие с точки зрения их теории?

- Похожие потоки входящих материалов (уголовное дело и результат проверки), по которым нужно принять решение.
- Плотная связанность (следователи ходят к судьям за советом).
- Похожие механизмы рекрутинга и возможность взаимного перетекания персонала. И там, и там требуется высшее юридическое образование, теоретически (хотя на практике это происходит не так часто) вполне возможен переход следователя на позицию судьи.

Все это способствует возникновению очень близкого родства между судом и следствием.

Однако эта «судебная» функция на уровне следствия на практике тоже работает весьма условно. Следователь ориентирован на бюрократическую рутину и разделяет ведомственный интерес и принципы работы. Самого подозреваемого он видит, как правило, два раза за все время расследования. Все остальное время следователь проводит, работая с бумагами или с коллегами из смежных служб (относительно редко — со свидетелями). При этом следователь находится под давлением вполне логичных для представителя обвинительной власти² об-

¹ См.: *Ди Маджио П. Д., Пауэлл У. В.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Экономическая социология*. 2010. Т. 11. № 1. С. 34—56.

² Отнесение следователя к стороне обвинения, существующее в современном УПК, на наш взгляд, соответствует действительности, хотя и вызывает большие споры. Дискусию см.: *Берова Д. М.* К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // *Общество и право*. 2009. № 3. С. 207—210. См. также любую дискуссию по поводу категории «объективная истина» в российском уголовном процессе.

стоятельств. У него есть отчетность, которая требует от него передать в суд как можно больше дел. В результате, если ситуация сложная и у него есть возможность сосредоточиться на сборе обвинительных доказательств, он, конечно, это сделает. То есть у нашего псевдосудьи одна ключевая мотивация — добиться осуждения человека, с делом которого он начал работать.

Однако этот же формат работы следователя смягчает ситуацию. Если бы не было ограничений для работы конвейера, в котором дела от следователя (которому нужно выдавать на-гора поток) попадают в суд (который считает, что следователь уже во всем разобрался), то осуждены бы были 99% взрослого населения страны. Что ограничивает работу конвейера и мешает этому? Те же самые институциональные и организационные особенности работы следователя, которые действуют как сдерживающий механизм.

Следователь постоянно перегружен. Для оформления каждого своего шага он должен создать весьма значительное количество бумаг. Чем больше шагов он предпринимает, тем большее количество бумаг он должен произвести. В результате следователь тяготеет к относительно простым и компактным делам, в которых «все понятно с самого начала». У следователя просто нет времени и сил гоняться за дополнительными, неочевидными подозреваемыми. Это, конечно, не отменяет того факта, что если человек оказался подозреваемым, то вся машинерия будет стимулировать всех участников работать на то, чтобы не допустить изменения его статуса вне зависимости от того, насколько он виновен¹. Однако реальные, практические добродетели следователя (достижение хороших показателей работы) способствуют сдерживанию правоохранительной машины по крайней мере не меньше, чем формальные ценности — присяга и цели следствия, описанные в УПК.

Но устройство следствия влияет не только на работу уголовно-правовой механики. Как и во всем мире, те, кто готовит доказательства непосредственно для передачи в суд², являются частью юридической профессии. Какова роль следователей внутри юридической профессии? Казалось бы, это достаточно многочисленная, относительно уважаемая, имеющая терпимую репутацию в общественном мнении профессиональная группа. Например, в одном из учебников весь навык юридической квалификации, да и любая работа юриста,

¹ См.: Шклярук М. Возможен ли сейчас 1937 год? // Отечественные записки. 2013. № 2 (53).

² В отличие, например, от американской системы в России прокурор не может никак трансформировать поступившее к нему уголовное дело. Он может лишь дать следователю указание совершить то или иное действие.

Таблица 45

Оценка следователями частоты различных траекторий карьеры коллег после увольнения из следственных органов, %

Место последующей работы	Очень часто	Часто	Редко	Очень редко	Всего опрошенных
Другие правоохранительные органы, включая МВД	10,8	32,4	38,1	18,7	657
Суды	61,2	33,5	4,2	1,1	624
Госслужба	28,6	44,0	23,1	4,3	623
Бизнес	32,1	38,1	25,2	4,5	616
Адвокатура	16,7	28,3	40,9	14,0	635

объявляется формами криминалистического анализа, т. е. частью следственной работы¹. Понятно, что это риторическое преувеличение, но в ситуации, когда российское (постсоветское) право в значительной мере тяготеет именно к уголовному (поскольку оно оказывается источником образцов для других отраслей права), — очень характерное.

Как видно из описания, у следователей нет времени и возможности активно участвовать в какой-либо жизни за пределами собственного следственного отдела и семьи. Но может быть, следствие — это важный опыт? Может быть, следствие — это кузница кадров для других отраслей? Видимо, нет. Когда мы просили следователей оценить уровень ротации кадров в их подразделении, то увидели, что ротация находится в пределах 10% в год, т. е. на уровне, соответствующем естественной смене по возрасту. В большинстве своем следователи остаются внутри системы до пенсии. Когда мы попросили следователей оценить, куда чаще всего уходят их коллеги, то увидели, что лидером является судебная система (табл. 45). Это подтверждают и исследования судей²: более 20% ныне действующих судей имеют опыт работы в следственных органах.

Более того, говоря о самих себе, а не о своих коллегах, следователи никак не демонстрировали стремления покинуть следственные органы (табл. 46). Обратим внимание, что из предложенных вариантов следователи ни одного не обозначали как «очень привлекательный» более чем в четверти случаев (лидирует позиция «достичь руководящей должности в системе МВД» — 27%).

¹ См.: Шапошников А. Ю. Указ. соч.

² См.: Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Указ. соч.

Таблица 46

Возможные перспективы карьерного роста следователей по уровню желательности, %

Возможная перспектива карьерного роста	Совсем непривлекательная	Скорее непривлекательная	Скорее привлекательная	Очень привлекательная	Всего опрошенных
Остаться в той же должности, но вырасти в звании	13,6	28,3	38,8	19,3	623
Достичь определенной должности, работая следователем (следователь по особо важным делам, следователь по области и т. д.)	5,9	18,8	50,4	25,0	613
Достичь руководящей должности в следственной структуре МВД	11,0	23,3	38,7	27,0	626
Стать судьей	26,6	24,8	24,1	24,6	606
Стать прокурором	32,9	29,4	22,5	15,1	595
Стать адвокатом	35,9	33,7	23,9	6,5	599
Стать юридическим консультантом в бизнесе	35,2	29,1	27,8	7,9	594
Перейти в другую структуру внутри МВД	29,3	30,4	28,0	12,3	601
Перейти в структуру СКР	27,6	28,6	31,8	12,0	598

В целом по привлекательности (разница между количеством отрицательных и положительных ответов) лидирует вариант «достичь определенной должности, работая следователем (следователь по особо важным делам, следователь по области и т. д.)». Три четверти следователей относятся к нему скорее положительно, и лишь четверть считают его непривлекательным. На втором месте «получение руководящей должности в системе МВД» — почти 65%¹ считают такой путь

¹ Сумма вариантов ответов «скорее привлекательная» и «очень привлекательная» (табл. 46).

скорее привлекательным, хотя 35% он кажется не очень интересным. Последний вариант, который желателен, — это вырасти в звании, оставаясь в той же должности (соотношение почти 60/40). Все остальные варианты кажутся следователям скорее непривлекательными. Нижняя часть рейтинга — это адвокатура и работа юридического консультанта в бизнесе.

Таким образом, сами следователи не стремятся к выходу за пределы сферы своей деятельности. Остальные области юридической карьеры их интересуют слабо. Несмотря на довольно сложные условия работы, «следователь — это навсегда». Следствие могло бы стать одним из стержней формирования юридической профессии как независимой корпорации в России, но слишком загружено, погружено в себя и связано с интересами ведомства, а не с интересами широких кругов юридической общественности.

Причина этого проста: работа, которой занят следователь, — это не юридическая работа. Тот факт, что высшее юридическое образование было для следователя лишь желательным вплоть до 2011 г., хорошо это подтверждает. Работа, которую делает следователь, — это работа бюрократическая и оформительская, любой тренированный сотрудник может справиться с ней. Более того, следователи часто говорили в интервью о том, что «всему пришлось учиться заново». Другими словами, полученное юридическое образование практически не становится важным ресурсом в социализации следователя. В сложных случаях, когда хорошая юридическая подготовка необходима для разрешения сложной правовой коллизии, всегда собирается рабочая группа, в которую входит представитель следственного руководства и представитель прокуратуры (некоторое участие возможно и со стороны суда). Такая ситуация вполне типична, со сбором и первичным оформлением доказательств в большинстве стран мира справляются люди, не имеющие юридической подготовки. Поэтому следователь и становится «профессией навсегда» — человек, накопивший должное количество навыков (технических и бюрократических), не хочет терять этот ресурс, он готов переходить на работу только в те места, где этот ресурс будет востребован.

Юридикализация всего следствия поголовно — это сложный и совершенно ненужный процесс возведения полицейской работы в ранг работы почти судебной. Технические, рутинные (но необходимые в любом обществе) операции возводятся в ранг «применения закона» специально уполномоченным и квалифицированным лицом. Эта

проблема хорошо видна и в чисто юридической дискуссии — догматически противопоставляются модели полицейского дознавателя (полиция) и следственного судьи (суд)¹. По итогам эмпирических исследований мы можем сказать: противопоставлять тут нечего — в России² благодаря эффектам институционального изоморфизма скорее следствие превратило суд в подобие полиции, чем суд вырос из полиции и преградил в виде квалифицированных следователей.

Приложение

**Основные данные о работе следователей в России за 2014 г.
(уголовные дела)**

Уголовные дела	Следствие МВД	СКР	Следствие ФСКН	Следствие ФСБ	Всего по России (следствие)
Находившиеся в производстве	1 610 820 (82,2%)	228 978 (11,7%)	115 903 (5,9%)	5088 (0,3%)	1 960 789
Остаток с прошлого года	185 325	27 451	14 808	809	228 393
Принятые к произ- водству	1 425 495	201 527	101 095	4279 ¹	1 732 396
Оконченные	349 750	116 401	25 106	1439	492 696
Направленные в суд с обвинительным за- ключением/актом либо с постановле- нием о принудитель- ном лечении	321 604 (71,7%)	101 381 (22,6%)	24 197 (5,4%)	1246 (0,3%)	448 428
Возвращенные про- курором в порядке ст. 221 УПК РФ	14 539	3570	957	37	19 103
Возвращенные судом в порядке ст. 237 УПК РФ	2839	1451	309	16	4615
Прекращенные (для следователей — с повторными)	26 498	14 999	908	191	42 596
Приостановленные	795 781	17 365	44 661	614	858 421
Иные решения (со- единенные, передан- ные по подследст- венности, оставшие- ся в производстве на конец года)	438 791	80 213	45 228	2844	567 076

¹ См.: Аппарат власти следственной / под общ. ред. *Н. А. Колоколова*.

² При этом мы далеки от идеализации западных моделей уголовного судопроизводства — многократно описанные модели сотрудничества бюрократических структур суда, прокуратуры и полиции во всем мире оставляют очень немного шансов представителям малообеспеченных слоев, попавшим в жернова правоохранительной машины.

¹ См.: *Шклярчук М. С.* Траектория уголовного дела в статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов.